

Хотя лето давным-давно перевалило за середину, жара в городе стояла нестерпимая. В середине дня улицы выглядели пустынными – мало кому хотелось плавиться на раскалённом асфальте. Двое мальчишек двенадцати лет сидели на ветвях раскидистой яблони, прячась от солнца в тени листвы. Они отчаянно скучали – во дворе, кроме них, никого не было, а придумывать себе какое-то занятие им было лень. Звали мальчишек Мишей и Серёжей, но чаще их называли Бурым и Серым. Сперва прозвище приклеилось к Серёже – в школе приятели так стали звать, сократив имя. Серёжка обижался сначала и огрызался: «Сам ты серо-буро-малиновый!». А потом его друг и сосед по дому, Мишка, сказал: «Ну и что, ты – Серый, а я Бурый, потому что Мишка, медведь то есть!». Так и прицепилось к ним это прозвище на двоих – Серый и Бурый.

Время тянулось медленно, даже было такое чувство, что оно не движется вовсе – как застыло солнце над самой головой, так там и висит, и будет висеть и жарить ещё долго-долго, а вечер не наступит никогда. Воздух был неподвижный и вязкий, чтобы вдохнуть его, приходилось прилагать усилия. Мишка уткнулся в телефон и играл в какую-то стрелялку, а Серёжа медленно жевал яблоко, сорванное с того же дерева, на котором они сидели. Кстати, эти кислые и кособокие яблоки казались мальчишкам вкуснее самых дорогих сортовых и красивых яблок из магазина.

– А я вчера Машку встретил... – протянул Серёжа.

– Какую, Кошкину?

– Ага.

Мапа Кошкина, учившаяся в их классе, всей школе была известна, как Кошка Машка – и она всеми силами стремилась соответствовать этому прозвищу: занималась художественной гимнастикой, охотно демонстрируя всем свою природную гибкость, ну и, заодно, оттачивала умение царапаться на не дававших проходу мальчишках-одноклассниках. Кусаться вот только не пробовала пока...

– Ну, и чего она?

– Хвасталась, что в цирк ходила. Тигров там всяких видела, львов... Говорит, что так близко сидела, прямо на первом ряду, что у ближайшего тигра все полоски можно было пересчитать!

– Да-да, и за ухом почесать, заодно!

– Да ну, она б струсил! Девчонка же...

В это время мимо проходил Костик – Мишкин сосед по лестничной клетке. Он был на целых четыре года старше Серого и Бурого, перешёл уже в одиннадцатый класс. Однако с мальчишками, в отличие от своих сверстников, общаться не брезговал – по старой памяти: ещё лет пять назад Мишку иногда оставляли под его присмотром, когда родители сами заняты были. С тех пор он сохранил к своему бывшему «воспитанику» тон слегка покровительственный, с нотками превосходства, но, в целом, доброжелательный. Это отношение распространялось и на Серёжу, как на ближайшего Мишкиного друга.

– Салют соседям! – Костик шуточно козырнул приятелям, остановившись под яблоней.

– Привет, Костик!

– Про что треплетесь?

– Да так, ни про что... про цирк вот... – ответил Мишка.

– Это про какой-такой цирк? – Костик прищурил один глаз. – Уж не про тот ли, что у нас на гастролях, в котором тигры-людоеды?

– Почему это людоеды? – мальчишки сразу встрепнулись.

– Ну, как почему... Раз людей едят – значит, людоеды.

– Да врешь ты всё! – запротестовал Мишка. – Если б они людей ели, как бы к ним укротитель заходил? Они б и его сожрали!

– А укротитель для них – вообще не человек, а вожак стаи, они его как человека и не воспринимают – потому и не едят.

– А кого едят? Кто тебе такое рассказал вообще?

– Знающие люди. Если языком болтать не будете – могу и вам рассказать.

– Не будем, конечно! Ты ж нас знаешь, Костик! – Мишка опасно свесился с ветки, рискуя свалиться прямо на голову Косте.

– Тогда слезайте, а то всей округе наш разговор слышен!

Серёжка и Мишка вихрем слетели с дерева. Костик напустил на себя загадочный вид и таинственным шёпотом начал рассказ:

– В общем, тут такое дело: этот цирк ездит по стране уже давно – постоянно на колёсах: месяц – в одном городе, месяц – в другом, месяц – в третьем... К нам-то он в первый раз заехал, даже странно. Так вот, рассказал мне один знающий человек... кто – даже не спрашивайте! – Костик сказал это очень строго, хотя мальчишки даже и не собирались перебивать какими бы то ни было вопросами. – Я слово дал, что не разболтаю, кто мне про всё это рассказал.

– Так что рассказал-то? – не вытерпел Серёжка.

– А ты не перебивай, а то долго ещё до главного не дойду!

Он выдержал театральную паузу: не спеша поправил бейсболку, сбил пальцем с плеча какую-то невидимую соринку, посмотрел на мальчишек с загадочным видом человека, знающего что-то необычное, но не спешащего этим знанием делиться. А мальчишки ждали продолжения, не решаясь больше задавать вопросы. Наконец Костик продолжил:

– Рассказал мне тот человек, что когда этот вот цирк уезжает, в городе каждый раз пропадает один мальчик. Это укротитель и его команда так своё зверёе поощряют за работу на гастролях и перед дорогой задабривают, чтоб те её спокойней переносили.

– Как? Они его тиграм скармливают?.. – спросил Мишка срывающимся тихим голосом.

– Ну, не понюхать же дают! Скармливают, конечно. А тигры после этого ещё месяц в следующем городе работают на ура, ждут очередного деликатеса... Вот такие дела, соседи! – Костик глубокомысленно вздохнул и развёл руками, мол, как хотите, так теперь с этим и живите.

Мальчишки стояли и оглушённо молчали, не зная, что и сказать. Серёжка неуверенно начал:

– А может, неправда это? Их бы арестовали давно... тигров этих. Тьфу, укротителя. И на гастроли больше никуда бы не пустили.

– Как же неправда, когда мне об этом такой надёжный человек рассказал! – Костик сделал оскорблённое выражение лица и отвернулся.

– погоди, Костик... – Мишка попробовал сгладить слова своего друга. – Если человек надёжный, то, конечно, он врать не станет! Ну, то есть специально, зная, что врёт. А может, ему кто-то наврал, а он за правду принял? И он думает, что правду рассказывает, а на самом деле всё не так страшно!

– Нет, пацаны. Это такой человек, который сплетни пересказывать не станет – это уж точно! А почему не арестовывают? Так никто ж ничего доказать не может! Цирк-то уезжает – и никаких следов. А пока ищут – день, два, неделю – про цирк-то все и думать забывают. А мальчика так и не находят. Ну, ладно, – он взглянул на часы, – идти мне пора – дела ждут. – Оглядевшись по сторонам и снова понизив голос до шёпота, он напомнил: – Только – уговор! Никому не рассказывайте! Иначе – трепачи вы будете, а не нормальные пацаны!

– Костик, мы ж обещали! – обиженно выдал Мишка.

– Я это запомнил! – Костик прищурился. – Ну, салют, соседи! – он снова козырнул и быстро пошагал к подъезду.

Мальчишки стояли под яблоней и молчали. Чувствовали они себя очень неудобно: неприятно это – узнать о том, что каждый месяц цирковые тигры съедают мальчишку! А вдруг на очереди – ты сам или твой друг? Да даже если и незнакомый мальчишка – за что его есть? Даже если он вредный какой или вообще дурак – ну, врезать ему пару раз или не разговаривать с ним вообще, но – есть? Это как-то слишком!

– Как-то всё это... неправильно, что ли, – наконец, выдал Мишка.

– Какое тут «правильно», – поддержал его Серёжа. – Это вообще дикость какая-то! Неужели это правда?

– Вообще-то Костик обычно не врёт...

– Да я знаю. Только вот не верится! Слушай, а давай попробуем всё выяснить сами?

– Как?

– Ну, пойдём в цирк, поспрашиваем там...

– И что мы спросим? Где у вас тут мальчишек на корм тиграм принимают?

– Ну, нет, конечно. Как-нибудь вокруг да около – разузнаем, что у них там происходит.

– А нас туда пустят?

– Как-нибудь прорвёмся. Скажем, что мой дядя там работает или что просили передать какую-нибудь фигню – в общем, по дороге придумаем. Поехали!

Однако сразу они в цирк не поехали – всё-таки к визиту туда надо было хоть мало-мальски подготовиться, чтоб не быть вышвырнутыми за порог сразу! Мальчишки отправились к Серёже домой, на

ходу обсуждая, как можно проникнуть за кулисы, не вызвав подозрений. Идей было высказано и тут же, на ходу, отброшено много – не меньше десятка. Остановились на одной, которая показалась им наиболее правдоподобной: сказать махтёру, что их попросили передать подарок дрессировщику, но только передать из рук в руки! Теперь оставалось только найти этот самый подарок... Впрочем, это тоже не стало проблемой – после десятиминутного метания по квартире в поисках чего-нибудь подходящего, на столе старшей Серёгиной сестры была обнаружена красивая подарочная коробочка со всякой девчачьей требухой для рукоделия.

– То, что надо! – веско заявил Мишка.

Ленту для коробочки они нашли там же, в ворохе высыпанных на стол ниток, лоскутов, иголок и булавок. Примерили – как раз подошла по длине, даже больше, чем надо, была. Оставалось придумать, что в коробочку положить.

– Давай яблок диких надерём! При нас-то он всё равно открывать не будет, наверное, а во второй раз мы туда вряд ли пойдём, – предложил Серёжа.

– Давай! Она тогда и весить будет серьёзно, а не как пустая, – поддержал друга Бурый. – И ещё цветов нарвать можно – и сказать, что от поклоницы подарок, тогда точно не откажутся нас пустить!

– Классно придумал! Во дворе как раз эти, как их, лохматые такие, цветут!

– Я тоже не помню, как называются. Но сойдут! Не розы же этому укротителю тащить.

На сбор яблок и георгинов (именно их Серёжа обозвал «лохматыми»), упаковывание подарка и перевязку его лентой ушло ещё полчаса. Взырошенные от возни со всем этим мальчишки довольно смотрели на результаты своих трудов. Пышный букет цветов с дворовой клумбы (хорошо, что вездесущие соседки не заметили, как они их рвали!), перевязанный обрезком ленты, да ещё коробочка, полная яблок-дичков и украшенная большим атласным бантом показались им чуть ли не царским подарком. Ну, если и не царским, то уж точно заслуживающим того, чтобы с ним их пропустили к дрессировщику!

До цирка ехать было остановок десять на автобусе. У ребят уже затеплилась надежда спасти неизвестного им мальчишку от страшной гибели в тигриных когтях. Они чувствовали себя почти героями, к тому же – хитроумно подготовившими свой подвиг, который им казался уже почти совершённым. Пока ехали – почти не переговаривались, но каждый про себя представлял, как они зайдут в цирк, и как попросят провести их прямо к дрессировщику, и как дрессировщик, догадавшись, что его преступление уже раскрыто, сразу раскиснет и поклянётся, что больше никогда-никогда не будет скармливать мальчишек тиграм. Но, чем ближе была цель, тем меньше оставалось уверенности, что всё пойдёт так, как задумано, да и вообще, их замысел становился непонятным им самим. Когда уже к цирку подходили, Серёжка неуверенно спросил приятеля:

– Думаешь, пустят?

– Конечно, пустят. Мы же по делу! – Мишка отозвался преувеличенно бодро, потому что сам не был уверен в успехе их затей, и чем ближе они были к дверям, тем больше его одолевали сомнения и страх.

Двери цирка не были заперты, никто их не остановил и не спросил, что им потребовалось тут в день, на который не назначено представление. Цирк показался мальчишкам неестественно пустынным – они привыкли видеть его до отказа набитым взрослыми и детьми, светящимся разными цирковыми игрушками, пестреющим воздушными шариками и звучащим несмолкаемой многоголосицей. В этот день в нём не было, казалось, вообще никого, даже около касс не толкались желающие купить билетик, да и сами кассы были закрыты на какой-то «технический перерыв», как гласила надпись на кривой картонке, загораживающей окошко. Коридоры казались нереально широкими и гулкими – каждый шаг отдавался эхом и многократно повторялся под потолком. Наверное, именно так звучат шаги одиноких рыцарей в заброшенных замках, куда они приезжают на взмыленном коне, чтобы спасти из заточения принцессу или старого друга. Их так никто и не останавливал, более того, им вообще никто не встретился. Пройдя ещё несколько шагов и замерев в нерешительности посреди вестибюля, возле одного из выходов в зрительный зал, они огляделись. В этот раз первым заговорил Мишка:

– И куда дальше идти? – и сам испугался эха собственного голоса, вздрогнул.

– Надо найти кого-нибудь... – отозвался после того, как отзвуки стихли, Серёжа.

– Мне кажется, что здесь вообще никого нет. Даже не слышно никого!

– Если б никого не было – и двери были бы заперты.

– Ну, а где нам кого-то искать?

– Давай по коридору пройдем до конца – наверняка он куда-то выведет. Должен же быть какой-то проход за кулисы отсюда...

И они пошли, продолжая вздрагивать от каждого шороха, который сами же и производили, от каждого отзвука собственных шагов. Хорошо, что коридор был ярко освещён солнечным светом, бьющим в окна, не то мальчишкам стало бы совсем жутко. В конце коридора они увидели небольшой проход, занавешенный тяжёлой, как на манеже, бархатной штормой – только, конечно, меньшего размера. Всучив букет Мишке, тащившему коробочку с яблоками, Серёжка потянул её за край обеими руками, заглянул

за неё и увидел дверь – обычную, какую-то совсем не цирковую, старую и крашеную бежевой масляной краской, совсем как у них на даче. Оглянувшись на друга, потянул за ручку – и дверь со скрипом поддалась, нехотя открылась. Мальчишки быстро прошмыгнули внутрь и замерли – после светлого вестибюля они попали в полумрак какого-то внутреннего коридора, поэтому сперва ничего не могли разглядеть перед собой. Мишка шёпотом спросил:

– Это мы где?

– Сейчас узнаем. Пошли!

У Серёжки руки были свободны, поэтому он пошёл по коридору первым, медленно, придерживаясь за стену и нащупывая путь руками, чтоб ни на что не налететь. Постепенно глаза привыкли к тусклому освещению – и они увидели в паре десятков шагов от себя вахтёра, дремавшего за стареньким письменным столом с настольной лампой. На столе лежала газета с кроссвордом, и стоял наполовину выпитый стакан чая. Вахтёр был пожилым мужчиной с седыми, коротко стриженными волосами, усатый и какой-то домашний, совсем не цирковой. Одет он был в самую обычную рубашку с коротким рукавом, из её кармана торчали очки в металлической оправе. В общем, вид вахтёра не вызывал абсолютно никакого страха. Мальчишки практически бесшумно подошли к столу и в нерешительности остановились рядом. Переглянулись. Надо было решать: идти дальше и искать дрессировщика самостоятельно – или разбудить вахтёра и спросить у него, куда им направиться. Потоптались на месте. Всё-таки решив, что надо дать о себе знать, Серёжка шагнул вперёд и негромко позвал:

– Дядя... а дядя?

Вахтёр проснулся, резко вскинул голову.

– Что? Кто? Кто здесь? – и, похлопав спросонья глазами, уставившись на мальчишек, недовольно спросил: – Что вам тут надо, пацаны?

– Мы... ищем... дрессировщика... – запинаясь, промямлил Серёжа.

– Какого вам ещё дрессировщика? – вахтёр окончательно проснулся и стал подниматься из-за стола. – А ну мотайте отсюда! Придумали! В цирк пробрались! У нас тут звери дикие, а они шастают! Хотите, чтоб сожрали вас? Так это они мигом, только попадитесь!

Мальчишки, услышав это, испуганно переглянулись – им показалось, что вахтёр своими словами как бы подтвердил Костиков рассказ. Однако быть выпшвырнутыми из цирка за шкуру им совсем не хотелось, тем более что они пришли сюда, чтобы разобраться в этой непонятной ситуации с пропадающими мальчиками. Мишка быстрее друга очнулся от испуга, и скороговоркой выпалил:

– Нет-нет, мы не хотим, чтоб нас сожрали! Мы не к зверям, мы к дрессировщику! Ему подарок просили передать! Вот! – и он вытянул вперёд руки с коробкой и букетом, лежащим на ней.

Вахтёр на минуту задумался, разглядывая мальчишек и их «подарок». Он, видимо, решал, стоит ли им верить. С одной стороны, свёрток и букет выглядели довольно внушительно, с другой стороны, сами «дарители» вызывали у него сомнения. Несколько раз ему уже приходилось отлавливать мальчишек и даже девчонок, которые пытались прорваться за кулисы, чтобы посмотреть, как цирковые живут, животных погладить – да мало ли что ещё детям в голову взбрёт! Продолжая хмурится, спросил:

– Кто просил передать? И что там, в коробке?

Мишка совсем осмелел, он понял, что в вахтёрской обороне пробита маленькая, но брешь:

– Кто просил – сказать только дрессировщику можем. Просили никому не разбалтывать! А что в коробке – сами не знаем, в чужие подарки заглядывать нехорошо!

– Ишь, какой! Нехорошо! Сам-то знаю, что ли... – вахтёр немного смягчил тон, сменив гнев на ворчание. Но тут же прибавил бдительности: – Кому передать велели? Какому дрессировщику?

Тут Мишка замялся. Имени дрессировщика он не помнил.

– Этому, который тигров дрессирует... – неуверенно начал он.

– Вечно ты имена забываешь! – пришёл на выручку Серёжа. – Владиславу Алмазову это подарок. – Он вовремя вспомнил рекламную зазывалку, каждое утро звучавшую по телевизору у них на кухне: «Владислав Алмазов и его дрессированные тигры! Спешите видеть!».

– Есть такой, верно, – успокоился вахтёр. Никуда не уходите, здесь ждите. Я его позову.

– Спасибо, дядя! – радостно воскликнул Серёжа.

– Только никуда, ни шагу отсюда! Вон, сядьте там на тумбы, посидите! – и вахтёр махнул рукой в сторону от своего стола, туда, где действительно стояли несколько небольших тумб, наверное, предназначенных для цирковых собачек. Мальчишки сели, а вахтёр ушёл по сумрачному коридору, через каждые несколько шагов оглядываясь, будто желая удостовериться, что они никуда не попытаются залезть, пока он пошёл за дрессировщиком.

– Ну, сейчас самое страшное будет... – едва слышно прошептал Мишка, как только он скрылся за поворотом.

– Почему?

– Так если правда это – он нас и постарается оставить на корм своим кошкам полосатым...

– Даже если и правда – не будет он нас скармливать! – горячо зашептал Серёжа. – Нас же вахтёр видел! Зачем ему свидетели?

– А может, вахтёр с ним в сговоре? Может, они своих не выдают?

– Погоди! Ты помнишь, как Костик сказал? «Пропадает один мальчиш!» А нас-то – двое!

– Ты думаешь, тигры сильно расстроятся, если им вместо одного мальчика на ужин двоих подадут?..

Только обрадуются!

– И что, ты хочешь сбежать, пока вахтёр ходит?

– С чего ты взял? – насушился Мишка. – И ничего я не хочу...

– Ну, мало ли – испугался. Так ты иди давай, а если я вечером домой не вернусь – расскажешь, где меня искать. У них гастроли ещё не закончились, так что сегодня тиграм меня точно не скормят!

– Ещё чего! – возмутился Мишка. – Ничего я не испугался! Раз вместе пошли – вместе и разбираться будем!

Серёжа хотел ему возразить, что он и сам справится, но тут Мишка прислушался и шикнул на него – в дальней части коридора зазвучали шаги, видно, вахтёр возвращался вместе с дрессировщиком. Мальчишки вскочили и сделали пару шагов навстречу идущим. Вахтёра они увидели первым – он внезапно вынырнул из-за угла, беспокойным взглядом оглядел свой пост и, увидев мальчишек там, где он их оставил, вздохнул с облегчением. За ним из-за поворота показался высокий мужчина в белой футболке и джинсах, в котором практически невозможно было угадать дрессировщика, блиставшего на манеже и афишах в сияющем серебристом костюме с малиновой отделкой. Тем не менее, это был именно он – Владислав Алмазов, собственной персоной. Он удивлённо посмотрел на мальчишек, уставившихся на него.

– Так вот какие ко мне курьеры прибыли?! – произнёс он хорошо поставленным, приятным баритоном. – Ну что, пойдёте ко мне в гримёрку – не в коридоре же разговаривать! Дядя Вита, запиши их, что ли, в свой журнал, для порядка! Напиши, что ко мне. Как вас звать-то, юноши?

– Меня – Серый, то есть Серёжа. А его – Бурый, ну, то есть Мишка.

– Серый да Бурый? – усмехнулся Алмазов. – Как волк с медведем! Ну, давайте, пойдём уже. Записал, дядь Вита?

– Фамилии-то скажите! – вахтёр дядя Вита вытащил из нагрудного кармана очки и отодвинул газету, закрывавшую, как оказалось, журнал посещений, похожий на старую амбарную книгу. – А то клочки ещё мне в документ не хватало записывать!

– Петров и Максимов, – отозвался Серёжа. Укротитель и мальчишки подождали, пока вахтёр сделает запись, потом Алмазов расписался за своих гостей – одним росчерком сразу на две строки – и, сделав приглашающий следовать за собой жест, пошёл по коридору.

Мальчишки поспешили за ним, чтобы не отстать и не заплутать в лабиринте цирковых коридоров, идти пришлось быстро, почти бегом. Дрессировщик уверенно сворачивал то направо, то налево. В одном месте Серёжке показалось, что он слышит тигриный рык, в другом Мишка споткнулся об упавший с подставки для инвентаря кнут. Наконец, Алмазов остановился перед одной из дверей, вытащил из кармана джинсов ключ, отпер её и обернулся к мальчишкам:

– Заходите, гости дорогие! Да осторожно тут, порог высокий.

Порог, действительно, был высокий – несмотря на предупреждение, и Миша, и Серёжа споткнулись об него. Хорошо ещё, что Мишка свою ношу не выронил!

– Проходите, садитесь, – сам Алмазов уселся на банкетку, стоявшую рядом с гримировальным столиком. Мальчишки примостились на двух стульях, в сторону которых он махнул рукой.

– Ну, теперь рассказывайте! – дрессировщик выжидательно уставился на мальчишек. А у тех, как назло, словно языки отнялись – сидят и смотрят на того, к кому так отчаянно через вахтёра прорывались.

– Что же вы? Пришли – так рассказывайте, кто вас отправил, что передать просил?

– Вот, передать просили вот это, – Мишка вскочил с места и протянул коробку с букетом. – Какая-то Ваша поклонница. Она имени не сказала. Сказала только, что восхищается Вашей смелостью...

– ...и талантом! – подхватил Мишкину речь Серёжа. – И просила принять скромный подарок в знак этого восхищения.

– Поклонница, говорите? – задумчиво протянул Алмазов. – А какая она из себя?

Тут мальчишки переглянулись – ведь они заранее не договорились о том, что будут врать дрессировщику, надо было придумывать историю на ходу, причём так, чтобы друг другу не противоречить, чтобы всё звучало ладно и складно.

– Да какая... – промямлил Серёжа, чтобы протянуть время. – Обычная какая-то. Не как актриса или певица какая-то, а так – женщина и женщина.

– Молодая?

– Ну... Примерно как Вы возрастом.

– Как я, значит. А волосы – светлые, ниже плеч?

– Вроде как...

- А глаза – большие такие, зелёные?
- Я не помню... Вроде, большие...
- И ростом – примерно до плеча мне, так?
- Вроде бы так, может, чуть повыше даже.
- Ну, если она на каблуках была, то повыше, конечно!

Серёжка был в недоумении, но соглашался со всеми приметам, которые ему называл дрессировщик. Мишка же с каждым вопросом всё больше и больше нервничал. Было ясно, что Алмазов имеет в виду какую-то конкретную женщину, но ведь никакой женщины на самом деле не было, никто не просил их передавать укротителю подарок! Однако отступать было поздно.

– И что она сказала? Мальчишки, постарайтесь точно вспомнить! – почему-то дрессировщик разволновался, получив от Серёжи «подтверждение» своих догадок.

– Да почти ничего. Говорит: «Ребята, помогите мне, пожалуйста! Передайте небольшой подарок дрессировщику Владиславу Алмазову! Он такой смелый и талантливый, что хочется отблагодарить его за его выступление!».

– Значит, она была на выступлении!.. – Алмазов встал и заходил по комнате, как тигр по клетке.

– Да, кажется, была. Но к нам-то она подошла сегодня. Мы тут гуляли, а она подходит и просит передать. Почему-то сама не захотела...

– Ну, это понятное дело, почему! Значит, всё-таки, пришла. Под конец гастролей...

– А кто эта женщина? – робко спросил Мишка.

Алмазов снова сел, посмотрел на Мишку, потом – на Серёжу, тяжело вздохнул и начал свой рассказ:

– Я родился в этом городе. Учился в школе номер два. И была у нас в классе девочка – Даша Кошкина. Конечно, все её звали Кошкой Дашкой, тем более, глаза у неё зелёные были, да и шустрая она была, как настоящая кошка... – мальчишки переглянулись, обоим одновременно посетила мысль об их собственной однокласснице Машке Кошкиной, с разговора о которой и началась для них вся эта цирковая история. – Так вот, с этой девочкой мы в старших классах дружили. Как сейчас говорят – встречались. Хорошо дружили. Но вот когда пришло время выбирать профессию, меня вдруг переключило – я уже совсем настроился на то, чтоб поступать на биофак, на ветеринарный, а тут сходили мы с ней на цирковое представление, на гастролы московского цирка, посмотрели на дрессированных тигров – и решил я стать укротителем. Дашка, конечно, посмеялась сначала, думала, что это я под впечатлением так говорю и скоро про эту идею забуду. А вышло иначе – я стал наводить справки о том, где на дрессировщиков учат, что это за профессия, что знать надо и уметь, чтобы хищники слушались. В общем, увлёкся так, что ни об одной другой профессии даже слышать не хотел. А Дашу это начало раздражать – она твердила мне, что я заигрался, что надо выбирать серьёзную профессию... Ну и в итоге мне сказала, что если я решу стать циркачом, то она за меня замуж не пойдёт – а мы с ней уже уговорились пожениться, когда восемнадцать исполнится. Говорит – я не хочу за тебя каждый день переживать – сожрут тебя твои кошки полосатые или нет. Да ещё ей родители каждый день на мозги капали – выйдешь, мол, замуж за циркача, доченька, будешь, как клоунесса какая-то, мотаться по всем городам. В общем, поссорились мы с ней... Уехал я в Москву, но в цирковое училище поступать не стал – там конкретно на дрессировщиков не учат, а пошёл в цирк, попросился ассистентом к одному укротителю, который с большими хищниками работал. Тот сначала меня всё проверял – на стрессоустойчивость, на готовность работать почти круглосуточно, на отношение к животным... В общем, сначала я у него клетки чистил, манеж готовил, зверей кормил. Только через год он меня стал каким-то трюкам учить, номера давать. Так ещё год прошёл... А потом он мне передал двух тигрят на обучение. С ними я и начинал. Они и сейчас со мной ездят – Шерхан и Мавр – самые старшие в труппе, самые умные. Сначала я со своими полосатыми выступал на маленьких площадках, с короткими номерами, в сборных программах, потом, когда зверей других набрать смог, подготовил большую программу – и вот уже пять лет езжу по стране, показываю, что мои полосатики умеют... А в наш город не приезжал ни разу – боялся, что ли. Дашка-то у меня из памяти не идёт, вся семья моя сейчас – мои тигры, так я и не женился. А тут думаю – да она-то про меня уж и забыла давно, чего бояться? Десять лет прошло с окончания школы. Всё равно на представление не придёт. Вот и приехал. А она, оказывается, не забыла... И цветы передала те самые, какие я ей в первый раз подарил, в десятом классе – георгины, даже цвет тот же. А в коробке-то что?

Мальчишки замерли. Рассказ дрессировщика их впечатлил, им уже было неловко за свой обман и хотелось сбежать отсюда поскорее – даже про причину своей авантюры они почти забыли. Алмазов отложил в сторону цветы, которые лежали прямо на коробке, повертел её в руках и потянулся к банту.

– Может, Вы потом посмотрите? – робко произнёс Мишка. – Вдруг там личное что-то? Чего нам видеть не положено?

– Да ну, что там личного может быть... А впрочем, не хотите – не смотрите. – Алмазов быстрым движением распустил бант, над сооружением которого мальчишки трудились не меньше пятнадцати минут, открыл коробку и замер.

«Надо бежать!» – пронеслось в голове у Мишки. Серёжа не успел подумать даже этого.

– Точно! Это точно Даша! – Алмазов аккуратно поставил коробку на стол, после чего снова вскочил и забегал по гримёрной.

– Почему точно? – только и выдавил Серёжка.

– Потому что у нас с ней любимое дело было летом – забраться на дикую яблоню и есть эти кислые яблоки! Никто бы больше такой подарок не прислал!

И тут Серёжку посетила идея. Он вскочил, и, пока не успел испугаться собственной смелости, выпалил:

– А хотите, мы Вам Вашу Дашу найдём?

Мишка тоже вскочил, но не от прилива энтузиазма в стремлении помочь дрессировщику встретиться с той, в кого он был влюблён десять лет назад, да, похоже, и сейчас тоже, а от желания стукнуть друга чем-нибудь тяжёлым по макушке. Чего придумал! Шли мальчиков от съедения спасать, а сейчас курьерами по амурным делам устриваются! Однако он не успел ничего ни сказать, ни сделать – Алмазов среагировал на предложение Серёжки быстрее:

– Да разве ж вы сможете? Если, сами говорите, она вас просто на улице поймала?

– Я думаю, сможем! – заверил его Серёжа.

– Вообще-то, она ни на одно моё письмо так и не ответила... – грустно сказал дрессировщик. –

А когда по телефону звонить ей пытался – трубку взял отец и сказал, что с циркачами в его доме никто дела иметь не желает. И так, мол, сплошной цирк в стране творится... Потом ещё пробовал звонить – но, видно, номер сменился, как ни наберу – «Неправильно набран номер» и гудки.

– Ничего! Фамилия у неё редкая, да и вторая школа – наша, мы сами там учимся, так что найдём!

Но только с одним условием.

Алмазов и Мишка с недоумением уставились на него. Дрессировщик ещё не пришёл себя от того, что его встреча с Дашей, на которую он втайне надеялся, собираясь на гастроли в родной город, возможна. А мальчику были вообще непонятны намерения его друга.

– С каким условием? – укротитель был готов услышать всё, что угодно, кроме того, что ему предстояло услышать на самом деле.

– Ходят слухи, что когда ваш цирк с гастролей уезжает, один мальчик в городе пропадает каждый раз.

Вроде как, тиграм Вы его скармаиваете...

Алмазов сначала посмотрел на Серёжу непонимающим взглядом, а потом вдруг рассмеялся. Мальчишки смотрели на него удивлённо и даже с негодованием – как можно над такими вещами смеяться?..

– А что это Вы смеётесь? – насувлено спросил Мишка. – Что в этом смешного?

– Да ничего! – ответил Алмазов, не переставая смеяться. – Откуда эта старая байка всплыла? В первый год моих гастролей она появилась. Несколько месяцев её жёлтая пресса муссировала, потом забросила.

– Так это неправда? – с надеждой спросил Серёжа.

– Ну конечно, неправда! Сами подумайте – если бы это так было, да и с таким слухом, который в прессу пробрался – был бы я на свободе или за решёткой давно сидел?

– Так говорят, что никто ничего доказать не может...

– Да глупости это всё! Хищник, однажды попробовавший человеческой крови, никогда не сможет работать на публику. Он дрессировщика первым же сожрёт, а потом всех, до кого доберётся!

– А говорят, что Вас тигры за человека не считают – Вы у них навроде жожака?

– В социальном смысле – да, но инстинкт-то остаётся инстинктом! Так что не верьте этим старым выдумкам. Просто кое-кто продажи газет и журналов за счёт таких скандальных сюжетов поднимает.

А правда это или нет – их совсем не волнует.

– Так что же, это на пустом месте выдумки?

– Ну... не совсем на пустом, конечно... Был один случай с мальчиком... – мальчишки насторожились.

А Алмазов встал, подошёл к двери, выглянул в коридор и громко позвал: – Саня, ты где? Подойди ко мне в гримёрку!

На его оклик через полминуты пришёл молодой парнишка лет девятнадцати в футболке с эмблемой цирковой труппы и потёртых джинсах.

– Звали, дядь Слав?

– Да, Санёк, звал. Тут ребята интересуются историей с пропадающими после гастролей нашего цирка мальчиками... Вот и решил им единственного такого мальчика показать.

Саня застенчиво улыбнулся.

– Ну, дядь Слав, это ж давнее дело...

– Зато вполне реальное! Вот, юноши, этот мальчик действительно пропал из родного города, когда мы оттуда с гастроями уехали. Как уж ему удалось проشمыгнуть мимо всех цирковых – понятия не имею. Где-то раздобыл нашу фирменную футболку, как-то в автофургон пробрался... В общем, обнаружили его уже только когда в другой город приехали. Сколько тебе тогда было, Саня?

– Четырнадцать.

– Вот. Стали расквартировываться на новом месте – а он тут и нашёлся. Упал, как говорится, мне в ноги: мол, дядя дрессировщик, возьмите меня, балбеса, к себе в ученики, хочу тигров дрессировать! Ну почти как я когда-то. Только я постарше был и сознательно готовился к тому, чтобы дрессировщиком стать, учиться собирался, сколько надо будет. А этот – на эмоциях к трушке пристал. Первым делом, конечно, я его родителям позвонил, чтобы не волновались – они к тому времени, сутки ж уже прошли, всю полицию в своём городе на уши поставили, волонтёров привлекли к поискам. А потом сели мы с ним, поговорили. Я ему все особенности своей профессии расписал, а он мне – своё желание работать со зверями. В результате договорились: он возвращается домой, заканчивает школу – зачем мне в трушке недоучки? – и если после этого не передумает, а родители его согласятся, я его беру рядовым рабочим – клетку чистить, корм животным носить. В общем, чтобы прошёл весь путь с самого начала, так же, как я. И вот третий год он уже у меня работает. Как, Сань, не передумал ещё? Может, другая профессия тебе нужна?

– Не, дядь Слав. Я уж цирковой, мне другого не надо. Вот только дрессировать теперь думаю не тигров, а лошадей – как-то к ним душой прикипел, ну, да Вы знаете... Пойду Тирана на манеж выводить, он сегодня из стойла не выходил ещё! – сказал Саня.

– Знаю-знаю! Иди к своему вороному! – Алмазов улыбнулся, и Саня, кивнув мальчишкам, которые слушали историю о юном циркаче, раскрыв рот, вышел из гримёрки. – Так что вот, ребята, – обратился он к Мишке и Серёжке, – как у нас мальчики «пропадают». А сплетням не верьте!

– Как хорошо, что никто никого не ест! – выдохнул Мишка.

– Точно! – поддержал его Серёжа. – Ну так мы пойдём искать Вашу Дашу... дядь Слав? – после небольшой паузы он назвал Алмазова так, как его называл Витя.

Алмазов улыбнулся и ответил:

– Буду вам, мальчики, очень благодарен, если поможете мне с ней встретиться!

– Мы очень постараемся! – в этот раз ему ответил Мишка, который, убедившись, что мальчишек здесь тиграм всё-таки не скарманяют, сразу стал относиться к дрессировщику и к цирку в целом с симпатией.

Алмазов проводил их до вахтёрского поста и попрощался, вахтёр дядя Витя сделал в своём журнале пометку, что мальчики покинули цирк, и они отправились домой. По дороге Мишка набросился на Серёжу:

– Ну и зачем ты ему пообещал эту его подружку найти? Где мы её теперь искать станем? Или ты искать и не собирался, а просто так ему наврал, чтоб информация выудить?

– Нет, я ему не врал! У меня идея есть. Помнишь, я говорил про Машку Кошкину?

– Помню, конечно! Если б не тот твой рассказ, то нам и Костик бы ничего не наплёл, и сами мы сюда не поехали бы!

– Так вот, она говорила, что ходила в цирк со своей тётёй Дашей! Улавливаешь?

– Ты что, думаешь, что это – она?

– Ну сам подумай – ты кого-то ещё с такой фамилией в нашем городе встречал?

– Не-а.

– Вот и я не встречал! Надо сейчас к Машке в гости наведаться и расспросить, та ли это Даша, что нам нужна!

Маша жила в доме через дорогу, что по детским меркам значило чуть ли не на другой планете – в «задорожных» дворах сложилась своя компания, у них – своя. Пересекались они за пределами школы крайне редко, поэтому байки про живших там людей знали не все. Про Машкину тётю им, кроме имени, ничего не было известно. Серёжка напряг память – он как-то видел её, когда она к Машке в школу приходила, и заявил, что её внешность вполне соответствует описанию, данному дрессировщиком. Машка, конечно, очень удивилась незванным гостям, однако с интересом выслушала их сбивчивый рассказ, а после, к радости мальчишек, подтвердила, что это та самая Даша, которая отвергла Славу Алмазова, о чём до сих пор сожалеет. Решили ждать, когда она вернётся с работы. Мишка сначала предложил Машке самой всё рассказать тётё, но она отказалась наотрез – это ж они всю эту авантюру затеяли, они от Дашиного имени дрессировщику подарок вручили! Пусть и Даше об этом сами рассказывают, а она тут ни при чём, зачем ей с родной тётёй из-за их затей ссориться?

Пока ждали, девочка раз пять заставила их всю историю пересказать в подробностях. Спрашивала, как дрессировщик в обычной жизни выглядит, а не на манеже, что говорил, какая у него гримёрка, как там вообще – в цирковом закулисье? В общем, когда Даша пришла домой, у мальчишек уже языки отваливались от постоянного пересказа одного и того же. Машка взялась подготовить родственницу к их рассказу: налила ей лимонада, достала любимые конфеты – чтобы смягчить будущее потрясение. Конечно, Даша была сильно взволнована рассказом Мишки и Серёжки, пару раз хотела надавать им подзатыльников – за то, что её именем прикрывались, но они каждый раз уворачивались, да и Машка сразу свою тётю успокаивать старалась.

– Только одного понять не могу: как вы про георгины и яблоки догадались?

– Да ничего мы не догадывались! Собрали, что проще было...

– Представляю, как вам от родителей и соседей попадёт за испорченную клумбу!

– За клумбы вряд ли попадёт – нас там никто вроде не засёк, пока цветы рвали, – вздохнул Серёжа. – А вот за коробку стрелинскую мне попадёт абсолютно точно. Но надо ж было что-то делать!

– Ну, да ладно. Раз так всё сложилось... Уму непостижимо. Надо встретиться со Славой.

– Здорово! – сразу ожил Серёжка. Так мы можем прямо сейчас поехать!

– Нет, лучше давайте завтра на представление пойдём! – Машка явно была не прочь ещё раз посмотреть на тигров.

– Завтра последний день гастролей... – напомнил Мишка.

– Хорошо, я позвоню вечером вашим родителям, – сказала Даша мальчишкам, – и скажу, чтоб вам дали деньги на билеты, а я с вами вместе схожу в цирк.

– Ур-ра! – закричали дети.

На следующий день вся компания отправилась в цирк. Приехали специально заранее – за полчаса до представления. Мальчишки оставили Машу с Даней в вестибюле, а сами побежали к уже знакомому проходу, к вахтёрскому посту. Вахтёр их узнал и сразу пошёл звать Алмазова. Тот пришёл через пару минут, лицо у него было взволнованным.

– Привет, ребята! Ну, что? Неужели?..

– Она там, в вестибюле! – быстро сказал Серёжка, даже не поздоровавшись.

Алмазов выскочил за мальчиками в вестибюль, огляделся и сразу увидел Дашу. Мальчишки за руку оттащили Машку, чтобы не мешать – они наблюдали за встречей издали. Когда был подан сигнал к началу представления, Алмазов направился за кулисы, перед этим поцеловав Даше руку.

– Вот как надо с дамами себя вести! – тут же ввернула Машка. – А не за волосы дёргать!

– Ой, тоже мне, дама нашлась! – прыснул Серёжка, но Мишка тут же отвесил ему оплеуху. – Ты чего? – возмутился Серёжка.

– Потом объясню, – насутился Мишка. А Маша кокетливо состроила ему глазки – так, что тот сразу покраснел.

После представления Алмазов всю компанию пригласил в ресторан – отметить долгожданную (и, как выяснилось вполне определённо, не только для него) встречу. На следующий день труппа Алмазова уезжала в другой город, а ещё через неделю Даша стала собираться переезжать в Москву. Её больше не пугала перспектива выйти замуж за циркача.

...А Костику мальчишки ничего рассказывать не стали – вдруг он обидится и не будет больше им такие истории пересказывать? Как же они тогда – без приключений останутся?